

A decorative flourish consisting of several overlapping, flowing lines in a light gray color, framing the text.

ТАТЬЯНА КОРСАКОВА

королева мистического романа

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного	Смертельное танго
Хозяйка колодца	Ты, я и Париж
Третий ключ	Судьба № 5
Дом у Чертова озера	Хрустальное сердце
Пепел феникса	Миллионер из подворотни
Волчья кровь	Мужчины не плачут
Слеза ангела	Паутина чужих желаний
Печать василиска	Вранова погоня
Проклятый дар	Сердце ночи
Музы дождливого парка	Лабиринт Медузы
Самая темная ночь	Темная вода
Час перед рассветом	Снежить
Ведьмин клад	

ЦИКЛ «ТАЙНА ВЕДЬМЫ»

Не буди ведьму
Ведьмин круг
Беги, ведьма!

ЦИКЛ «ГРЕМУЧАЯ ЛОЩИНА»

Гремучий ручей
Шепот гремучей лощины
Усадьба ожившего мрака
Цербер-храпитель

ЦИКЛ «СТРАЖЕВАЯ БАШНЯ»

Свечная башня
Светочи тьмы

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

СЕРДЦЕ
ЗВЕРЯ

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Художественное оформление серии
Е. Петровой

Редактор серии *Е. Дмитриева*

Корсакова, Татьяна.

К69 Сердце зверя / Татьяна Корсакова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 464 с.

ISBN 978-5-04-195817-6

Этот дом скрывает в себе множество тайн. Даже человек, который построил его, не знает их все. Тайные переходы, подвалы, а главное — лежащая в его основании пещера, где бьется серебряное сердце... сердце зверя.

В этот дом не попадают случайные люди. Архитектор Август Берг, учительница Софья, далеко не такая простая, как кажется на первый взгляд, Илья — мальчишка, похожий на волчонка, — все они собрались здесь не зря. Дом сам выбрал их и готовит для каждого свое испытание.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корсакова Т., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-195817-6

*Володе, мужу и лучшему другу,
с любовью и благодарностью.*

Она пришла к Августу глухой безлунной ночью, замерла на пороге маяка, словно дожидаясь приглашения. Можно подумать, таким, как она, нужно приглашение! Но он все равно пригласил.

— Входи, — сказал, опрокидывая в себя бесполезную рюмку водки. В последнее время он не пьянел, сколь бы много ни выпил. Вот такое проклятье... — Убьешь?

Пожалуй, закончить жизнь сейчас, пусть даже и в когтях нежити, стало бы для него спасением, способным оборвать вереницу серых, друг на друга похожих дней. Августа держала на плаву лишь надежда. Нет, не на то, что сердечная боль когда-нибудь стихнет, а надежда на то, что его враг вернется на Стражевой Камень и свершится мечь — сладкая, пьянящая сильнее самого ядерного самогона. С мыслью о мести Август Берг засыпал, с нею же и просыпался. Впрочем, спал в последнее время он все меньше и меньше. Душа болела и терзалась, а тело, казалось, обрело вторую молодость и было полно сил. Именно тело, глупое, неподвластное Августу, испуганно вздрогнуло, когда на пороге маяка появилась албасты.

Она вошла молча. Не вошла даже, а просто как-то вмиг очутилась рядом с Августом. Слишком близко, чтобы он не почувствовал исходящий от нее смертельный холод. А серебряное кольцо, прощальный подарок Тайбека, наоборот, нагрелось, задрожало мелко-мелко, заставляя следом дрожать кости и даже зубы. Мерзкое ощущение, едва ли не хуже утреннего похмелья. Странное ведь дело, напиться не получалось, а похмелье мучило исправно, терзало, выворачивало кишки наизнанку, раскалывало голову болью, кровавыми мухами мельтешило перед глазами. До тех пор, пока Август не выпивал первую свою сделавшуюся уже традиционной рюмку. Легче не становилось, но тошнота и боль немного отступали. А большего ему и не нужно. У него теперь совсем мало желаний. Можно сказать, почти и не осталось. И страха тоже почти не осталось. В бездонные глаза албасты он смотрел смело, тонул в их опасной черноте, задышался и захлебывался, но не боялся. Почти...

И она тоже смотрела. Приблизилась вплотную, так, что белые космы ее едва не коснулись сжатой в кулак руки архитектора. Руку можно было отдернуть, у него еще оставались силы, но Август не стал. А кольцо нагрелось еще сильнее, почти невыносимо.

— Ты видел меня, — голос албасты был сильный, не отличимый от змеиного шипения. — В зеркалах. — Она не спрашивала, она знала правду, и врать ей не было смысла. Как не имело смысла в его нынешнем существовании. Почти не было...

— Видел.

Зеркала из серебряной змеиной чешуи лежали в тайнике под замком. Искушение заглянуть в одно из них еще раз было сильно, но Август ему противился. Оставлял для себя последнюю надежду или, возможно, путь к отступлению. Если вдруг захочется куда-нибудь отступить.

— И кто я такая, знаешь? — Албасты парила в воздухе, и ошметки ее истлевшего платья развевались от невидимого, но явно ощутимого сквозняка.

— Знаю.

— Знаешь, но не боишься.

— Не боюсь. — Зачем же врать той, которая все знает наперед.

— Это хорошо. — Албасты села за стол напротив Августа. Не уродливая старуха с глазами-колодцами, а девица дивной, нездешней красоты, с волосами белыми, как лунный свет, с серебряной радужкой и бездной вместо зрачков. Красивая, но все равно опасная. Смертельно опасная. — Так лучше? — спросила с улыбкой, едва ли не кокетливой, и легким движением смахнула со стола полупустую бутыль. Бутыль упала на дощатый пол, не разбилась, но расплескалась. В комнате едко запахло самогоном, а Августа снова затоснило.

— Мне все равно, — признался он, подумав о том, успеет ли выбежать из маяка или его вырвет прямо тут же.

— Тебе нечего терять. В наше время это большая редкость. Люди привязываются. К вещам ли, к другим людям.

— Я привязан.

— Она умерла, твоя женщина. Здесь ее нет, но и в Нижний Мир она не ушла.

— Заблудилась, как Айви? — Дышать вдруг стало больно, и Августа замутило еще сильнее.

Выскочить за порог он все-таки успел. Албасты осталась в башне. Ждала. И дождалась. Августу нужно было услышать ответ.

— Не заблудилась, просто осталась. Она сильная и чистая, а чистая душа может себе позволить многое.

— Она здесь?.. — Август оглянулся в робкой, несбыточной надежде увидеть свою Дуню. Не увидел. Глупец. Мертвые не возвращаются..

— Не возвращаются. — Албасты читала его мысли. — Но могут подождать тех, кто им дорог. Время для них — ничто.

— А для тебя? — Не нужно спрашивать. Какое ему дело до нежити? Ему и до собственной жизни дела нет.

— А для меня — пытка. — Албасты улыбнулась. Улыбка получилась... жуткой. Неземной красоты дева снова превратилась в старуху, всего на мгновение. Но Август успел разглядеть острые, словно колья, зубы и раздвоенный змеинный язык. И лунные волосы снова ожили, заплетаясь в косу, потянулись к Августу. — Тот, кто был до тебя, это понимал.

— Тайбек?

— Я не помню имен. Слишком много их было. — Албасты перебросила косу за спину и пожалала плечами. Совершенно женский, человеческий даже жест. Легко забыть, что перед тобой

не человек. — Но на тебе его кольцо. — Острым ноготком — пока еще ноготком — Албасты оставила на дубовой столешнице зарубку. — И ритуальный нож у тебя. — Рядом с первой зарубкой появилась вторая. — И в зеркало ты посмотрел. — Третья зарубка на дереве, а Августу кажется, что на его сердце. — И ты меня не боишься. — Четвертая зарубка кровавой полосой прочертила его ладонь.

Отпрянуть Август не успел. Сидел, словно замороженный, смотрел, как в чаше ладони собирается густая кровь. И албасты тоже смотрела. Зрачки ее делались все шире и шире, а губы кривила почти мученическая усмешка.

— Я тебя не убью, — сказала она успокаивающе. Кого успокаивала: его или себя? — Мы поможем друг другу. Ты — мне, я — тебе.

И подсунула под ладонь кружку с водой, сжала запястье, стряхивая кровь в воду. «Ходил, кровью воду поил...» Кто это говорил? И говорил ли вообще, или Августу это лишь почудилось?

Албасты воду выпила и облизала губы раздвоенным языком.

— Я принимаю твою жертву, человек, — сказала торжественно, словно Август ей и в самом деле что-то обещал. — Клянусь помогать тебе и не убивать.

— Спасибо. — У него даже получилось улыбнуться в ответ на такое вот оригинальное обещание. — А сумела бы, когда на мне вот это? — Кольцо больше не нагревалось, лишь посверкивало в темноте тусклым боком.

— Не сумела бы. — Албасты тоже улыбнулась. — Древняя вещица, сильная. — На кольцо она смотрела без злости, скорее — равнодушно.

— Как и нож.

— Как и нож. Видишь, я не обманываю тебя, человек. А теперь ты мне ответь: поможешь, если попрошу?

— Ради чего мне тебе помогать? — Август и в самом деле не понимал. Как не понимал он, какая может быть помощь от нежити.

— Ради кого. — Албасты сжала пальцы, и опустевшая железная кружка смялась, словно сделана была из бумаги. — Ради девочки. Ты помнишь девочку, человек? Или из-за своего горя все на свете забыл?

— Айви? — Он и в самом деле забыл. Думал о своем, пил, плакал иногда..

— Анна. — Албасты покачала головой, и коса ее, как живая, скользнула по плечу, притаилась на груди. — Айви сейчас там, где ей должно быть. Ей хорошо, — сказала и улыбнулась. По-доброму, почти человеческой улыбкой. — А Анна здесь.

Август помнил. Девочка с рыжеватыми кудряшками и лисьим разрезом глаз. Серых глаз — не серебряных, как у матери и как у этой... албасты. А ведь было в них что-то общее. Девочка, женщина и... не женщина. Что-то во взгляде, в посадке головы, в высоких скулах.

— Ты?.. — Вопрос как-то не складывался. Не понимал Август, как о таком спрашивать. И можно ли вообще спрашивать.

— Они мои девочки. — Албасты все поняла

правильно и ответила: — Плоть от плоти. Кровь от крови...

— Серебряной крови... — Догадка обожгла, заставила вцепиться в столешницу.

— Мне проще показать. Между нами не должно быть недомолвок, человек.

Уже не ногти, а когти впились Августу в запястье, вспороли кожу, выплескивая в кровь горечь чужих жизней и чужих воспоминаний. Было больно. И страшно. И жалко всех скопом. Жалко албасты, у которой, оказывается, есть имя. Кайна! Красивое, как плеск волны. И загадочное. Кайна — тайна. Жалко всех ее девочек, тонких, изящных, с серебряными нитями в длинных косах, меченных Полозовой кровью... Жалко тех, кого убила албасты по имени Кайна. Жалко тех, кого она еще убьет... Любовь вопреки всему. Счастье. Предательство. И страшная кара... Чужая боль, как своя собственная, если не сильнее. Как с этим можно жить?..

— Я не живу. — Она в самом деле читала мысли и не скрывала этого. Когти из запястья Августа выдернула, облизала каждый по очереди, поморщилась. Видно, его собственные воспоминания были так же горьки, как и ее. — Но и не умираю. А ты ее любил, свою женщину.

— Люблю. Она придет? Хоть когда-нибудь? Айви ведь смогла, пришла к Федору. — Еще одна надежда — дикая, несбыточная. Но как же можно без надежды?

— Не знаю. Она другая. Слишком много света от нее. Тому, кто долго был в темноте, больно смотреть на свет. Я не смотрю. Я пришла из-за девочки.

— Анечки.

— Анечки. — Это имя албасты произнесла медленно, словно пробуя его на вкус. — Ей угрожает опасность.

— Уже нет. Айви ушла.

— Айви ушла, а я вернулась. — Когти снова впились в столешницу, прочерчивая на ней глубокие борозды. — Пришла, чтобы присматривать за ней, но... переоценила свои силы.

— Ты тоже хочешь ее убить? — Август уже ничему не удивлялся. Разучился за дни жизни без Дуни.

— Не хочу. — Албасты покачала головой, и коса ее распалась на десятки серебряных змеек, которые потянулись к Августу. — Но убью, если она не уедет.

— Анечке нельзя надолго без озера. Мы пробовали, она начинала болеть. Смертельно.

— Теперь можно. — Албасты достала костяной гребень, принялась расчесывать волосы. — Пока он спит, можно. Серебро в ее крови тоже спит. Может, и не отзовется никогда. Я надеюсь, что не отзовется. Не нужно это моей девочке. — Она улыбнулась, не замечая, как гребнем расчесывает уже не волосы, а собственную плоть. Было ли ей больно? Август не знал и знать не желал. — Те, кто взялся ее опекать, хорошие люди.

— Хорошие. — Берг согласно кивнул, завороченно наблюдая, как оставленные зубцами гребня раны тут же бесследно исчезают. — Они любят Анечку.

— Я тоже ее люблю. Как умею. Я так долго не-живу, что уже почти забыла, как это — лю-

бить живого человека. Но я помню, что нужно защищать. — Гребень исчез, а разобранные на пряди расчесанные волосы сами сплелись в толстую косу. — Я переоценила свои силы, человек. Заглянула в гости, думала, что справлюсь. И едва удержалась. Она еще слишком маленькая, слишком ребенок, чтобы та, кем я стала, позволила ей остаться в живых. Но та, кем я была, все еще имеет власть.

Албасты по-птичьи взмахнула руками и снова зависла в воздухе рядом с Августом. Он поежился. Нет, не от страха — от холода, который от нее исходил. Могильного, нечеловеческого холода. И от тонкого, едва уловимого запаха крови. От этого запаха его мутило.

— От тебя тоже смердит. — Албасты не собиралась его щадить. Да и зачем ей? Разве не честнее говорить друг другу правду, пусть даже от правды этой к горлу подкатывает горько-кислый ком? — Мне все равно, но люди могут оказаться не такими... терпимыми.

— Помоюсь, — пообещал Август. — Может быть.

— Работы на острове закончены. — Албасты словно бы его и не услышала. Или не хотела слышать то, что не относилось к делу. К ее делу. — Пусть тот человек заберет Анечку, свою женщину и уедет.

— Виктор. Его зовут Виктор. — Отчего-то вдруг показалось важным, чтобы она услышала имя. — А его женщину зовут Настей.

— Хорошо. — Албасты кивнула. — Пусть так, я согласна. Но ты должен передать им мои слова.

Сегодня же! — Длинные когти впились в плечо, и Август застонал от боли.

— Передам, — прохрипел он, отшатнувшись, и едва не свалился с деревянной лавки.

— Все время забываю, как хрупка человеческая плоть. — Албасты с легким удивлением посмотрела на свои окровавленные когти, которые на глазах теряли и длину, и остроту, превращаясь в ногти. — Я постараюсь быть осторожнее.

Он ничего не ответил, лишь раздраженно пожал плечами. Движение это принесло ему новую порцию боли.

— Заживать будет долго, раны загноятся, — сказала албасты. В голосе ее не слышалось ни сочувствия, ни сожаления. — Другой бы умер, но ты теперь особенный, справишься.

— Особенный из-за кольца?

— Серебро не всякого примет. Оно могло тебя убить, но не убило, поделилось силой. Ты ведь чувствуешь силу? Ее невозможно не почувствовать.

Август кивнул. Теперь он понимал и Акима Петровича, и Федора, и Тайбека, и даже Виктора, которого серебро сначала едва не убило, а потом все-таки спасло. Понимал и где-то очень глубоко в душе удивлялся этой заемной силе. С раннего детства он привык чувствовать себя слабаком, получавшим затрещины от соседских мальчишек. А потом, уже в юности и зрелости, к слабости физической прибавилась слабость душевная, он запил. Если бы не Дуня, Берг убивал бы себя медленно, но верно. Дуня изменила всю его бестолковую жизнь, заставила почувствовать себя настоящим мужчиной, сильным,

смелым, отчаянным. Заставила, а сама ушла, бросила наедине с этой никому не нужной силой...

— Я присмотрю за тобой, — сказала албасты, и Август не понял, угроза это или утешение. — А ты присмотри за моей девочкой. Она сможет вернуться, когда повзрослеет. Если захочет. Но лучше бы не захотела.

— Для кого лучше?

— Для нее. Для меня. Для нас обеих. Я слишком давно не-человек, скоро от того, что я считаю чувствами, не останется даже воспоминаний.

— Как скоро? — Что-то подсказывало ему, что для албасты время течет иначе, чем для обычных людей.

— Не знаю, но не хочу рисковать. Сделай, что я тебе велю, и обещаю, твой враг умоется кровавыми слезами, вспомнит имена всех, кого убил или обидел. Я буду убивать его долго...

— Нет! — Август и не ожидал, что в его выгоревшей душе еще может прятаться ярость. — Ты его не тронешь!

— Почему? — Албасты не может удивляться, по ту сторону жизни нет места эмоциям, она сама это сказала. Отчего же в голосе ее чудится удивление?

— Злотников — мой, — сказал Август Берг с улыбкой, безумством не уступающей улыбке самой албасты. — Я сам, своими собственными руками убью его и всех, кто ему дорог.

Вытянутые вперед руки дрожали, но не от беспробудного пьянства, а от бешенства.

— Я стану уничтожать его медленно, а ты мне в этом поможешь.

— Я в тебе не ошиблась, человек. — Юная дева перекинулась в старуху. Расплелась коса, и белые волосы превратились в седые космы, потянулись к Августу, обвили шею. Его не испугала эта жуткая ласка, даже когда в легких закончился воздух, а горлу стало нестерпимо больно. Албасты отступила, а вместе с нею отступила и боль. — Опять забылась. — Юная дева улыбнулась почти виновато. — Слишком долго я жила вдали от людей. Отвыкла. Но ты не бойся, я научусь с этим справляться.

Август хотел было сказать, что он больше ничего не боится, но передумал. Албасты, его единственный союзник, и так это знала.

— Я сегодня же поговорю с Виктором и Анастасией, — сказал он церемонно. — Думаю, я сумею их убедить.

— Постарайся. — Албасты стояла уже на пороге распахнутой настезь двери. — Потому что, если ты не сможешь их убедить, когда-нибудь я убью их всех. А мне не хотелось бы...

Последние слова принес Августу налетевший вдруг ветер. Хлопнула тяжелая дверь, отсекая его от албасты и остального мира. Слабое пламя свечи дрогнуло, присело, но выдержало. Август тоже выдержит. У него нет иного выбора. У него вообще ничего нет, кроме его ненависти...

У него не получилось. То есть поговорить с Виктором и Анастасией вышло, а вот добиться их скорейшего отъезда из Чернокаменска нет. И не было

в том ничьей вины. Обстоятельства, которые не в силах изменить простой смертный.

Август пришел в дом Виктора, как и обещал, на следующий же день. Берг готовился к этой встрече тщательно, отказался от соблазна выпить хоть одну чарку, умылся холодной озерной водой, пятерней пригладил изрядно поредевшие волосы. Он оделся бы в чистое, да вот только чистого не нашлось. Рубаха была вся в пятнах, с дырой на рукаве. Откуда взялась дыра, Август не помнил. Вдруг выяснилось, что он многого не помнит из недавнего своего существования. Серая пелена из боли и хмеля, пробиться сквозь которую, кажется, пытались те, кого он мог бы назвать своими друзьями, но не назвал. На остров приплывал Кайсы, привозил еды. Не сырое мясо, а уже готовое, вяленое. Понимал, что Август ни на что больше не годен, что сам не справится даже с такой малостью, как приготовление пищи? Жалел?

Они все его жалели. Те, кто остался. Приходил Виктор со своей невестой — или уже женой? — уговаривал оставить остров, переехать в Чернокаменск. Тогда Август был пьян и плохо понимал, что происходит, кричал, оскорблял, гнал вон. Прогнал, надо думать. Точно прогнал, если вот уже который день — или месяц? — ему никто не мешает, не уговаривает взять себя в руки, не зовет.

Стало ли легче, когда его оставили в покое? Август не задумывался. Он разучился думать и, пока не закончилась бумага, занимал себя самогоном да рисунками, которыми затем растапливал печь. Пробовал рисовать на земле, но земля оказалась

твердой как камень. Она и являлась камнем, таким же бесчувственным, как сам Август. Ей тоже было все равно. Неравнодушной оставалась лишь озерная вода, она пела Августу, утешала, уговаривала. Иногда ему казалось, что еще чуть-чуть, и он начнет понимать, что нашептывают ему волны, о чем силятся сказать. Так было до тех пор, пока не пришла албасты и не скрепила их уговор его, Августа, кровью.

Лодка с почерневшими боками нашлась на берегу, лежала, зарывшись острым носом в черную гальку, под брюхом своим прятала весла. Лодку Август перевернул легко, одним движением, и мимоходом удивился этой своей удали. Как удивился и тому, что нет в нем больше страха перед озером, перед неизведанными его глубинами и тем, кто заточен на дне. Он греб размашистыми, широкими гребками и подставлял лицо свежему летнему ветру. Когда оно наступило — это лето? Евдокия ушла зимой, метель была, поземка, снег кругом, а теперь солнце, такое яркое, что больно глазам, жара и ветер в лицо. Полгода жизни куда-то пропало, а он и не заметил. Надо же...

К дому Виктора Август шел пешком. Думал, что не вспомнит, куда нужно идти, но ноги сами нашли дорогу. Его не ждали, но визиту его обрадовались. По крайней мере, девочка, неуловимо похожая и на Федора, и на Айви, и на албасты, точно обрадовалась. Она сидела на крыльце дома, пытаясь повязать платок на голову огромному догу, но, завидев Августа, встала, подошла, взяла за руку. Ее ладошка была маленькой и теплой, а